

Андрей Кокотюха

Иван Кожедуб

В 1974 году в киевском кинотеатре имени Александра Довженко, что на проспекте Победы, недалеко от одноименной киевской киностудии, состоялась премьера фильма «В бой идут одни «старики»». Поставил картину известный украинский актер Леонид Быков, она стала его режиссерским дебютом. Не получив международного признания, хотя и будучи представленной на нескольких фестивалях, а также не войдя в число лидеров советского проката, эта черно-белая лента, тем не менее, стала в Украине поистине культовой. В Васильковском авиаполку, где происходили съемки «Стариков», базируется современный МиГ-29, на котором нарисован нотный стан — знак «Второй поющей эскадрильи». Актеры, снимавшиеся в фильме, каждый год вот уже много лет собираются на могиле трагически погибшего Быкова и обязательно поют «Смуглянку» — заглавную песню из фильма. А на склоне Днепра в Киеве стоит бронзовый памятник главному герою ленты, комэску Титаренко в исполнении Леонида Быкова, который является одновременно памятником всем боевым летчикам — героям Великой Отечественной войны.

Снимая «В бой идут одни «старики»», Быков воплотил в жизнь свою давнюю мечту — быть летчиком. Родившись в 1929 году, Леонид по возрасту не попал на фронт. О представителях того поколения писали: «Они не успели на войну». Подростком он работал на аэродроме, ожидая приема в летное училище. В конце концов дождался, и в 1945-м поступил в летную школу. Но вскоре ее расформировали — война окончилась, и остались лишь рассказы и память. Быков мечтал снять фильм о тех, кто не вернулся с войны. «Если бы не это проклятое кино, был бы я летчиком. В небе. Где нет дорог и правил уличного движения. А есть только простор и воля. Летал бы. Как демон...» — говорил он.

Неудивительно, что летчики военных лет восхищали режиссера и вдохновили на создание искреннего и честного фильма о них. Более того: благодаря летчикам Быков, сам того не зная, создал новый, авторский метод в кино, который киноведы назвали «героическим наивом». С социалистическим реализмом и пафосным героизмом он не имел ничего общего, напоминая скорее героическую сказку. Этим отчасти объясняется успех «Стариков» у зрителя и прохладное отношение к ним тогдашней критики.

Но более всего Леонид Быков дорожил высокой оценкой, которую дали его работе сами

летчики-герои, которых он пригласил на премьеру. Среди прочих в зале был Иван Никитович Кожедуб, трижды Герой Советского Союза. Герои войны, не только Второй мировой, но и других, которыми, к сожалению, богата мировая история, не раз вдохновляли людей искусства. Но среди знаменитых украинцев Иван Никитович Кожедуб занимает особое место. Он был не только наиболее результативным летчиком-истребителем в авиации союзников. Кожедуб был одним из тех немногих, кто не потерялся после окончания войны, не получил сомнительный статус «свадебного генерала», которого обязательно приглашали постоять на трибуне во время парада или выступить в школе накануне Дня Победы, но который между торжественными датами не получает должного внимания, чувствуя себя забытым и невостребованным.

Парень с берегов Десны

Младший сын крестьянского поэта

Родился Иван Кожедуб 8 июня 1920 года в селе Ображеевка Глуховского уезда Черниговской губернии. Это официальная дата; позже было установлено, что Иван на самом деле появился на свет 6 июля 1922 года. Эти два «дополнительных»

года были нужны, чтобы поступить в техникум. В январе 1939 года на территории Украинской ССР появилась новая административно-территориальная единица — Сумская область, в состав которой вошли часть Черниговской, Харьковской и Полтавской областей. Так родное село Кожедуба оказалось в новообразованной области, и с тех пор считается, что малая родина легендарного летчика — Шосткинский район на Сумщине. Хотя по полному праву своим земляком трижды Героя Советского Союза называют харьковчане, черниговцы, вообще все жители Сиверщины и Слобожанщины. Родное село Кожедуба раскинулось в десяти километрах от живописной Десны, которая в этом месте судоходна. Немного дальше, на противоположном берегу, расположен старинный город Новгород-Северский, земля которого помнит топот копыт коней полков князя Игоря, ушедших отсюда на половцев. Кстати, относительно недалеко от Ображеевки, на территории соседней Черниговской области, находится село Чайкино — родина второго Президента Украины Леонида Кучмы.

Для многих родившихся на берегах Десны эта река стала главной в дальнейшей жизни и оказала поистине мистическое влияние на их судьбу. Уроженец Черниговщины, выросший недалеко от Десны украинский режиссер Александр Довженко

назвал свою киноповесть «Зачарованная Десна». Часто вспоминал о реке своего детства и Иван Кожедуб: «Километрах в десяти от нашей Ображеевки протекает Десна, судоходная в здешних краях. Весной Десна и ее приток Ивотка широко разливаются, затопляют луга. За вольницей, недалеко от деревни, выходит из берегов озеро Вспольное и словно исчезает, сливаясь с пойменными водами. Невысокие холмы защищают нас от натиска вешних вод, но в большой паводок сельчане с тревогой следят, не поднялся ли уровень поймы выше обычного, и толкуют об одном — не прорвалась бы вода к хатам. Разливаются и небольшие деревенские озера. Бурные потоки с шумом несутся с полей и огородов, пересекают улицы, заливают и сносят редкие деревянные мостки. Ни пройти, ни проехать. Пойму не окинуть взглядом. Только далеко на горизонте из воды вздымается крутой берег Десны».

Местных мальчишек постоянно притягивали высокие берега. Хотелось доплыть до какого-нибудь на лодке, взбежать по крутому подъему и поглядеть на Новгород-Северский. Но любой деснянский житель, знакомый с повадками реки и ее хитрым изменчивым течением, знает: Десна — река непредсказуемая, потому опасная. Взрослые не разрешали мальчишкам самостоятельно спускать лодки на воду. И

ображеевские пацаны, мечтая о дальнем плавании, мастерили кораблики из коры и картона, и вешние ручьи уносили их в озера. Когда вода на реке спадала, Ваня с ровесниками отправлялся исследовать окрестные леса и луга. Именно луга, казавшиеся мальчишке бескрайними, со временем развили в нем тягу к безбрежному небу. А вот походы в лес носили для Ивана более приземленный и практический характер: грибы и ягоды, собранные в сезон, помогали многим ображеевским семьям прокормиться и свести концы с концами. Семья Кожедуб жила бедно, Ваня был пятым, самым младшим ребенком, неожиданным «последышем», родившимся после «большого голода».

Мать Ивана — уроженка соседнего села Крупец. Молоденькой девушкой она познакомилась на гулянье с видным парнем из Ображеевки. Они полюбили друг друга, но когда Никита Кожедуб пришел свататься, отец невесты, человек крутого нрава, прогнал жениха прочь. Сильный, веселый хлопец в расшитой рубахе оказался безземельным бедняком, а отец хотел выдать дочь за человека степенного, зажиточного. И тогда девушка бежала из отчего дома: родители Ивана поженились тайно.

В начале Первой мировой войны Никита Кожедуб переболел тифом. После революции 1917 года он, как и другие бедняки, получил надел земли

и лошадь. Но земля ему досталась неплодородная, песчаная, далеко от села. На беду, однажды он, скирдуя сено, упал с высокого стога, долго проболел и с той поры прихрамывал. Ему так и не удалось наладить хозяйство. Семья была большая: жена, дочь и четверо сыновей. Старшие братья Ивана с малых лет нанимались в батраки к зажиточным крестьянам. За это мать в сердцах часто попрекала нетрудоспособного отца. Никита Кожедуб выслушивал упреки молча. Детей он воспитывал строго, но никогда не употреблял бранного слова.

Разрываясь между фабричными заработками и крестьянским трудом, Никита Кожедуб находил в себе силы читать книги и даже сочинять стихи. Человек религиозный, тонкого ума, он был настойчивым воспитателем: разнообразив обязанности сына по хозяйству, он приучил его к трудолюбию, упорству, дисциплинированности. Как-то отец, невзирая на протесты матери, стал посылать пятилетнего Ивана сторожить ночью сад. Позднее сын спросил, к чему это: воры тогда были редки, да и от такого сторожа, случись что, мало было бы проку. «Приучал тебя к испытаниям», — ответил отец. Строгость отца также нашла отображение в воспоминаниях легендарного летчика о детстве: «Отец терпеть не мог, когда мы за столом шалили. Бывало, неожиданно ударит тебя

ложкой по лбу и сердито скажет: «Вон из-за стола! Сидеть не умеешь! Я что сказал, неслух! Без ужина останешься!» И приходилось из-за стола выходить. Мать, конечно, накормит, когда отец уйдет, скажет, скрывая улыбку: «Будешь еще шkodить, ничего не получишь... Ешь скорее, чтобы отец не узнал!» Я был еще несмышленным мальчонкой, когда у меня появилась нехорошая черта — желание непременно возразить. Иногда даже отцу стал перечить. Сделает он мне замечание, а я заупрямяюсь и тут же начну возражать. Отец всеми способами старался переломить мое упрямство, все пускал в ход: и наказание, и внушение, и уговоры. Разговаривать со мной он стал чаще, незаметно приучал к упорству в работе, исполнительности. И добился многого: я привык выполнять свои обязанности».

Букварь на конфетных фантиках

Рос Иван Кожедуб сообразительным и любознательным мальчишкой, которого интересовало буквально всё. К шести годам по книжке сестры Ваня выучился читать и писать. По собственному признанию, очень любил переписывать знакомые буквы с фантиков — конфетных оберток. С семи лет мальчик учился в местной школе, построенной по завещанию и на средства земляка — выдающегося педагога

Константина Ушинского. Здесь имеет место еще один любопытный факт. Если позже, для того, чтобы поступить на рабфак, Иван, как мы уже упоминали, прибавил себе два года, то для поступления в школу он еще не додумался до подобного фокуса. Дело в том, что в 1920-х годах детей принимали в школу начиная с восьми лет. Но однажды осенью 1927 года, когда Иван стоял на улице и с завистью смотрел на знакомых ребят, спешивших в школу, соседский мальчик Василь важно предложил: «Пойдем в школу. Я тебя запишу. Ты уже читать и писать умеешь. А Нина Васильевна добрая, ребят любит. Она тебя в свою группу примет».

Иван побежал вслед за Василем не задавая вопросов. Даже забыл сказать родителям о том, куда собирается. Гнева отца боялся меньше, чем получить отказ от учительницы. В коридоре их обступили ребята: «Что, Василь, новичка привел?» — «Привел. Смотри, Ваня, есть такие же маленькие, как ты. Пойдем». Иван робко заглянул в класс, потом вошел. Вскоре появилась молодая учительница и, увидев маленького на вид мальчика, удивилась. Мальчик не смог объяснить, откуда он взялся, и за него все рассказал бойкий товарищ Вася. Учительница, улыбнувшись, пригласила Ивана к доске и попросила написать все буквы, которые тот знал. Встав на цыпочки, мальчик

старательно вывел печатные буквы, которые переписывал с конфетных бумажек. Затем учительница дала ему букварь. Сначала Ваня запинаясь, а потом бойко прочел какой-то коротенький рассказ. Нина Васильевна спросила, сколько ему лет и как его фамилия. И все же разрешила ходить на занятия в порядке исключения — мальчик и в самом деле оказался подготовленным к школе, хотя и учился на дому. Вечером Ваня рассказал о произошедшем отцу. Никита Кожедуб согласился: «Что ж, учись. А за своеволие наказать тебя следует». Но вступилась мать: «Ты же сам говорил — учиться ему надо!»

До школы было далеко, и мальчик выходил из дому спозаранку — все боялся опоздать. И почти всегда приходил первым. В классе сидел смирно, слушал внимательно, слова мимо ушей не пропускал: заметил, что так легче и быстрее выполнять домашнее задание. Но учебу приходилось совмещать с тяжелой работой по хозяйству. Начиная с девяти лет маленький Иван ходил в ночное — пас коней. Выполнял и другую посильную работу, помогая родителям вести домашнее хозяйство. «По утрам чищу картошку для всей семьи, подметаю в хате. Зимой вытираю воду с подоконников, чтобы не загнивали от сырости, — отец проверяет, сухо ли. Нашу околицу, открытую ветрам, заносит снегом, и мое дело — разгрести

снег на дорожках от сеней и ворот к сараю и перед хатой», — вспоминал Иван Никитович. Постепенно отец приучал его к более тяжелой работе. Осенью, когда старшие братья батрачили, младший ездил с ними в лес на заготовку дров. Отец срубал сухие ветки, Ваня таскал их к телеге, а потом дома складывал клетками, чтобы подсушить. Отец покрикивал: «Смотри осторожнее, глаза себе не выколи!» За ним мальчик, конечно, не поспевал, и отец сам принимался укладывать ветки на телегу, а Ивана посылал собирать сосновые шишки для растопки.

Среди жителей Ображеевки было немало участников Гражданской войны, бывших красных партизан. Бойцы, сражавшиеся с интервентами и белогвардейцами, теперь деятельно участвовали в жизни села. Бывшим красным партизаном был и сосед Кожедубов коммунист Сергей Андрусенко, который был очень дружен с Никитой Кожедубом: нередко заходил к нему вечером потолковать, вместе они отправлялись на рыбалку. Он был замечательным рассказчиком. Не только ребята, но и взрослые заслушивались его историями. Через улицу, у самого озера, жил еще один старинный друг отца, инвалид войны четырнадцатого года, Кирилл Степанищенко — рядовой солдат, за отвагу награжденный Георгиевским крестом. В бою он получил увечье и ходил, опираясь на палку. Кирилл

Степанищенко часто рассказывал о службе в царской армии. Рассказы ветеранов двух войн очень нравились Ивану и, как он признался позднее, постепенно формировали в нем желание тоже стать военным, вытеснив детскую мечту бороздить морские просторы.

А однажды ображеевские мальчишки стали свидетелями настоящего боя! Как-то утром в деревне начался переполох: по улицам с серьезными, напряженными лицами бежали военные, некоторые прятались по огородам. Раздались выстрелы. Правда, очень скоро выяснилось, это маневры. Но все-таки ребятам страшно и любопытно было видеть «бой», разыгравшийся в селе: «белые» отступали под натиском «красных», но оказывали упорное сопротивление. Вдруг появилась конница. Раздалось могучее «ура!» — «враг» был отброшен. С тех пор любимой игрой у мальчишек стала игра в войну. Никто из них подумать тогда не мог, что всего через десять лет война придет в их жизнь ужасной реальностью...

С раннего детства Иван Кожедуб пытался избавиться от своих многочисленных страхов. Много позже, познакомившись с Леонидом Быковым, он узнал: подобные комплексы приходилось преодолевать в жизни обоим. Леонид Быков признался своему кумиру-летчику: «Больше

всего я боюсь страха перед страхом. Я боюсь самой мысли, что мне может сделаться страшно». В свою очередь, Кожедуб рассказал ему, как в детстве, наслушавшись страшных рассказов о русалках и ведьмах, он среди ночи с криком просыпался и в страхе звал мать. Страшили Ваню не только вымышленные сказочные чудовища. Он очень боялся бодливой коровы. Братья, шутки ради, приучили ее бодаться, а отучить не удалось. Однажды, когда животное пошло на мальчика, выставив рога, он схватил жердь и изо всех сил ударил корову по спине. «Враг» удрал, и Ваня понял — если боишься, то всегда надо нападать на врага первым, чтобы опередить страх. Еще в детстве Кожедуб боялся пожаров. Само слово «пожар» наводило на него безотчетный ужас. Однажды летним вечером невдалеке загорелся дом. Ударили в набат. Пока сельчане сбегались, пламя перекинулось на соседнюю хату. Иван бросился домой, забился в угол. В это время в комнату вбежал отец и крикнул: «Ваня, возьми ведро поменьше, будешь воду таскать! И помни: с пожара ничего не бери, а то сам в беду попадешь!» Переборов себя, Ваня схватил ведро и выбежал вслед за отцом. С того дня он перестал бояться и пожара. Был страх и после того, как Иван однажды чуть не утонул в Десне. Но, пересилив его, он научился держаться на воде — наперегонки с

приятелями плавал по озеру Вспольному, а став постарше — и по Десне.

Детские увлечения

Однако, учась в сельской школе, будущий летчик-ас никак не проявлял своего особого интереса к военному делу. Его тяга к армии ограничивалась упомянутыми уже играми в войну, в которую играют мальчишки всего мира. В то же время Ваня проявлял интерес к рисованию. Самым большим удовольствием стало перерисовывание иллюстраций к «Кобзарю» Шевченко, и учительница охотно давала ему эту книгу. Вместе с другими ребятами Иван любил оставаться в школе после уроков. В классе было уютно и тепло. Нина Васильевна сидела тут же за столом — проверяла тетради. Закончив работу, читала вслух стихи Пушкина, Маяковского, Шевченко или рассказывала о родном крае. Так Иван много узнал об истории Новгород-Северского, о том, как отсюда отправился в поход на чужеземцев Игорев полк и о замечательном педагоге Ушинском — их земляке. Учительница рассказала, что все свои средства Ушинский завещал на постройку сельских школ. Но к знаниям Ваня проявлял не только теоретический, но и практический интерес.

Однажды весной у сельской околицы вышло из берегов озеро. Шаткие мостки залило, а где и снесло. Местами приходилось идти вброд. Иван был невелик ростом, и ему особенно доставалось от вешней воды. Раздобыв жерди, мальчик смастерил высоченные ходули, подбив их гвоздями, чтобы не поскользнуться на льду, который кое-где лежал под водой. Прежде чем пуститься в дальний путь в школу, Иван долго тренировался во дворе. Дома над ним посмеивались, но когда мальчик прошел по улице не замочив ног, отец позволил ему идти в школу на ходулях. Иван переходил через глубокие места, рассекая ходулями воду, и был очень доволен собой. Сначала его не узнавали даже знакомые дворовые псы — они с лаем бросались к его длинным деревянным «ногам». В школьном дворе Ваню обступили ребята. Нина Васильевна рассмеялась и похвалила за выдумку. Между прочим, повторить этот своеобразный подвиг так никто и не сумел, и поход в школу на ходулях стал ярким примером непреодолимой тяги мальчишки к знаниям.

Рисовать Ваня Кожедуб научился довольно быстро. Детское увлечение очень пригодилось позже, когда Иван стал летчиком: рисование развивает глазомер, зрительную память, наблюдательность — качества, необходимые летчику. Ваня подолгу рассматривал картины

сельского художника-самоучки Малышка, украшавшие клуб. Особенно Ване нравились его пейзажи — окрестности села. Мальчика поражала точность, с какой художник передавал все то, что он видел. Может быть, его картины и не были так хороши, как Ване представлялось в детстве, но тогда он ими восхищался, и ему очень хотелось посмотреть, как тот рисует. Но когда Малышок работал в клубе, ребят туда не пускали. Художник терпеть не мог, когда смотрели, как он рисует.

Однажды, вернувшись из школы, Иван увидел на столе разноцветные открытки. Их подарил ему отец за успехи: «Перерисовывай, — сказал Никита Кожедуб. — Я тебе и красок купил. Малышок обещал: кончит срочную работу и поучит тебя». Но перед Малышком — немолодым, нелюдимым человеком, вечно перемазанным красками, Иван робел, и пойти к нему все не решался. Поучиться у Малышка так и не довелось — сельский художник вскоре умер. Долго работы художника-самоучки — декорации, занавес, пейзажи — были для Ивана образцом для подражания. Он старательно учился рисовать сам, как умел. Учителя стали поручать ему оформление плакатов, лозунгов. Вскоре Ваню выбрали членом редколлегии школьной стенгазеты, и до окончания семилетки он с неизменным увлечением оформлял и школьную и классные газеты.

Пожалуй, еще сильнее, чем рисованием, Иван увлекся спортом. Однажды на доске объявлений у клуба появилась афиша. В ней сообщалось, что на днях состоится выступление заезжего силача. В тот вечер клуб не вместил всех желающих, но кое-кому из ребят, в том числе и Ване, удалось пробраться в зал. Занавес поднялся, и на сцену вышел парень в трусах и майке, схваченной поясом. Он был коренаст, крепко сбит, мускулы буграми выступали на руках, спина была словно в узлах. Силач стал легко подбрасывать и ловить двухпудовые гири. Вот он взял гирю зубами и ловко перебросил за спину, затем подбросил вверх и отбил грудью, словно резиновый мяч. Потом богатырь вызывал на сцену самых здоровых парней, и они с трудом отрывали гири от земли.

После этого выступления по вечерам на улице возле клуба собирались взрослые парни, соревновались в силе. Кто-то принес двухпудовую гирю, но никому, кроме самого здорового, сильного парня, не удавалось выжать ее одной рукой. Вскоре о гире забыли, и Кожедуб перетащил ее домой. Каждый день Иван вытаскивал ее во двор и тренировался. Через несколько месяцев научился толкать, а потом и выжимать ее одной рукой. Удивительно, что он не надорвался, не испортил себе сердце, не искалечился. Ведь юноша выжимал

гирю, не зная самых простых правил, необходимых для тренировки.

Мать была недовольна: «Перестань ты швырять ее, аж стены дрожат! — говорила она сердито. — Весь двор скovyрял своей гирей. Так бросаешь, что побелка от стен отваливается». Иван упросил ее не жаловаться отцу, но однажды Никита Кожедуб вернулся из Шостки в неурочное время и, поглядев на упражнения сына с гирей, строго сказал: «Нет, это тебе не под силу. Вредное для тебя занятие. Да и двор испортил, весь в яминах. Побелка от стен отлетает. Будет с тебя». И отец спрятал гирю. Тем не менее, Иван продолжал думать над тем, как же ему стать настоящим силачом. Начал читать газетные и журнальные статьи, заметки о спорте. И где-то вычитал, что можно закалить себя физически, сделаться ловким и сильным, упражняясь на перекладине. Для того чтобы сделать перекладину, недоставало главного — железного прута. Но вот в Шостке ему попался на глаза подходящий кусок водопроводной трубы, валявшийся прямо на улице. Иван подобрал его, принес домой, смастерил турник и укрепил его на улице между забором и электрическим столбом, чтобы им могли пользоваться и другие ребята. Выдумка мальчишкам понравилась. Они стали с увлечением делать упражнения на перекладине, соревновались, у кого лучше получится. Каждый

день Иван подолгу крутился на перекладине. Мускулы у него развились, появилась ловкость и выносливость. Со временем регулярные занятия физкультурой приучили парня к самодисциплине и, в том числе, определили дальнейшую судьбу. В 1930-е годы спортивные молодые люди ценились высоко и физическая подготовка была одним из основных требований при поступлении на учебу и работу. Мужчин готовили к войне, стране нужны были крепкие и выносливые солдаты.

Небо манит

Прощай, искусство...

Когда Иван Кожедуб уже заканчивал школу, из армии, с Кушки, вернулся старший брат Яков. Затаив дыхание, Ваня слушал его рассказы о героической борьбе пограничников с нарушителями государственной границы. И его пристрастие ко всему, что связано с армией, стало еще сильнее. Но пока только на подсознательном уровне: Иван все еще хотел учиться на художника. Когда он получил свидетельство об окончании семилетки, отец болел и был дома. Иван прочел вслух свидетельство, и мама даже всплакнула. Никита Кожедуб долго рассматривал документ, а

потом сказал: «Я все думаю, сынок, как тебе дальше быть. Учиться рисовать негде — нужно в большой город ехать. Соседи говорят, что тебе надо в колхозе остаться. А я так думаю: сначала надо ремеслу выучиться, стать квалифицированным рабочим — слесарем или токарем. Пригодится и в колхозе, в МТС [машинно-тракторной станции. — А. К.]. Ремесло не коромысло, плечи не оттянет». Ивану и самому хотелось получить профессию. В то лето со всего СССР шли сообщения о новостройках второй пятилетки, о новаторах производства, о внедрении новой техники в народное хозяйство, о его реконструкции, о трудовых подвигах молодежи, об ударных бригадах. И Кожедубу, по его словам, хотелось скорее принять участие во всенародной стройке, делать что-то полезное, нужное.

Желание овладеть какой-нибудь нужной профессией привело Ивана в Шосткинский химико-технологический техникум. Хотя сначала были наивные попытки стать мастером по росписи вывесок. Приехав в Шостку, юноша, проходя мимо здания с вывеской «Шосткинский химико-технологический техникум» и «Педрабфак», прочитал: «Открыт прием в школу рабочей молодежи. Принимаются лица, закончившие семилетку». Иван сначала решил попытаться счастья в фабрично-заводском училище

(ФЗУ). Но ему отказали. «У нас детей не принимают, — сказал мастер. — Подрастешь, тогда и приходи». Вернувшись домой, юноша, чуть не плача, рассказал обо всем отцу. Тот успокоил: «Вот выйду на работу, постараюсь пристроить тебя на завод. А потом и ремеслу обучишься». Только ждать Ваня не хотел. На следующий день снова отправился в город — посмотреть объявления о приеме на работу. Долго ходил по улицам, но ничего подходящего не нашел. И вдруг его внимание привлекли звуки духовых инструментов. «А может, в духовой оркестр принимают?» — подумал. Оказалось, и здесь неудача: оркестр был военным, а даже в воспитанники оркестра Иван не подходил по возрасту.

Когда юноша снова вернулся домой без настроения, отец дал сыну совет: «Пошли-ка заявление в техникум, где на художников учатся. А там видно будет». Не зная, куда ему обратиться, Иван решил послать заявление в Ленинград — прямо в Академию художеств. Коротко написал о себе, попросил ответить, в какое учебное заведение он бы мог поступить. Само слово «академия» казалось Ивану строгим, значительным. Ответ из Ленинграда пришел скоро. Сообщались условия приема в художественный техникум. Были они нелегкими. «Нет, мне не подготовиться, — думал юноша. — Да если б и подготовился, вряд ли

удалось бы поехать». Возражал и отец: «Далеко ехать, расход большой, да и одет ты плохо. Я болею, мать тоже. Куда от нас, стариков, поедешь? Что делать, сынок. Ты еще молодой и рисование от тебя не уйдет. Вот выздоровлю — все-таки пристрою тебя на завод». Тогда Иван пошел к учительнице Нине Васильевне — поговорить с ней, посоветоваться. Но та рекомендовала парню... стать учителем и вернуться в родную школу, учить детей. Соглашаясь с ней, Кожедуб все-таки напомнил: какой бы жизненный путь он не выбрал в дальнейшем, все равно нужно получить полное среднее образование. И без того, чтобы окончить школу рабочей молодежи, не получится.

Занятия в школе начались с осени. Там училась в основном рабочая молодежь с заводов, но было и несколько человек из пригородных колхозов. Вместе с Кожедубом в шосткинскую школу поступил его одноклассник, тоже Иван. Уроки заканчивались в одиннадцать часов вечера. Еще двое односельчан учились на педагогическом рабфаке, и парни возвращались в Ображеевку вчетвером. Их дороги расходились за километр до села. Товарищи сворачивали в сторону — на противоположную окраину, Кожедуб шел дальше один, долго перекликаясь с приятелями. В слякоть, в пургу и мороз они ежедневно ходили по семь километров до Шостки да по семь обратно. Учиться